

«Baby in the Car» ≠ «Ребенок в машине»

И.В.Зубанова

В недавней статье в журнале «Мосты» (№ 4(16)/2007) Д.М.Бузаджи поднял вопрос о роли синтаксиса в переводе. Это не может не радовать. Разговор назрел давно. Несмотря на то, что во всех учебных заведениях переводческой направленности поколения за поколениями дипломников пишут работы на дежурную тему «лексико-синтаксические трансформации в переводе», практические результаты работы огромной анонимной массы переводчиков, наводняющей мир вокруг нас переводными текстами, показывают, что у них очень часто отсутствует понимание, что эти трансформации – не блажь теоретиков и не оправдание для переводчика, столкнувшегося с расхождением номенклатуры синтаксических конструкций в двух языках, а дело первостепенной важности, без которого невозможно донести до иноязычного читателя или слушателя точный смысл исходного текста. Рассмотрим это на примере синтаксических и иных трансформаций, вызванных необходимостью передачи при переводе тема-рематических отношений.

Тема-рематическая организация текста – это средство обеспечить его связность. Каждое высказывание в составе текста содержит часть старой (тематической) информации, которой оно как бы «прикрепляется» к предыдущему контексту, и часть новой (рематической) информации, которая продвигает изложение вперед. Без тематического сцепления текст рассыпался бы на не связанные между собой высказывания. Без новой, рематической, информации невозможно достижение цели коммуникации.

Способы маркировки ремы, позволяющие коммуникантам безошибочно определять, какая именно информация в высказывании является новой и, следовательно, особенно коммуникативно важной, могут быть самыми разнообразными; в разных языках репертуар этих средств может быть несколько различным. Наиболее универсальным маркером ремы следует, очевидно, признать такое просодическое средство, как логическое ударение, то есть особое интонационно-акцентное оформление соответствующего слова или отрезка. На письме и в печати в подобных случаях иногда употребляется тот или иной вид шрифтового выделения части высказывания (курсивом, жирным шрифтом, подчеркиванием или набором прописными буквами). Вот несколько примеров из экспрессивной речи персонажей рассказов (шрифтовое выделение во всех случаях сделано самими писателями. – *Авт.*):

‘Is that you *again*, sir?’ inquired the sergeant in rather an awed voice. (P.G.Wodehouse. “Thank you, Jeeves”)

Chuffy puffed out his chest. ‘I’ll attend to him!’ – ‘No,’ I said firmly, ‘I will attend to him. Leave the whole conduct of the affair to me.’ (P.G.Wodehouse. “Thank you, Jeeves”)

Сказать, что Франгейт *с л ы ш а л* выстрелы, было нельзя, но он переживал их. (А.Грин. «Ива»)

Что вы *с е г о д н я* должны уехать, узнал я из этого же письма. (А.Грин. «Слабость Даниэля Хортон»)

Сходное воздействие на слушателя или читателя оказывают и различного рода лексические и синтаксические маркеры – выделительные конструкции и частицы, имеющиеся как в русском, так и в английском языках. Их главная или даже единственная функция заключается в том, чтобы указать на рематический статус в высказывании тех слов и выражений, которые они сопровождают или обрамляют. (В следующих примерах маркеры ремы подчеркнуты, слова-носители рематической информации выделены жирным шрифтом нами. – *Авт.*)

Еще моя бабушка носила это кольцо.

Я хочу, чтобы ты именно прочитал, а не просто просмотрел этот документ.

Writing my stories I enjoy. It is the thinking them out that is apt to blot the sunshine from my life. (P.G.Wodehouse)¹

Логическое ударение и выделительные слова и конструкции – это очень мощные средства маркировки ремы, однако они используются лишь в редких случаях. Постоянное их применение привело бы чрезмерно экзальтированному, неестественному звучанию текста. В подавляющем большинстве случаев русский и английский язык прибегают к совсем другим механизмам для обозначения различий между старой и новой информацией в высказывании, и механизмы эти у двух рассматриваемых языков разные.

В русском языке главным средством маркировки ремы является позиция в высказывании. Слово или словосочетание, несущее новую информацию, в русском предложении помещается в конце. Это становится возможным благодаря так называемому свободному порядку слов русского предложения, обеспеченному наличием в русском языке ясно выраженных падежных форм именных частей речи. Падежные окончания позволяют различать грамматический субъект и объект, где бы они ни находились в предложении, и тем самым сохраняют от искажений или двусмысленности предикативную структуру предложения². Ничто в нормах русского синтаксиса не препятствует помещению, по воле автора, в конечную позицию в высказывании любого члена предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства, определения. Итак, «свобода» порядка слов русского предложения отнюдь не означает беспорядочности или анархии – она очень эффективно и экономно используется языком для передачи тематической информации.

Современный английский язык, не имеющий развитой системы падежных окончаний, не может использовать порядок слов как средство выражения тематических значений. Порядок слов там фиксированный, жестко закрепляющий место до спрягаемого глагола-сказуемого за подлежащим, а место после глагола за дополнением. Так же, не нарушив норм английского синтаксиса, невозможно поменять местами прямое и косвенное (предложное) дополнение; фиксирован даже порядок следования друг за другом разнородных обстоятельств и определений, предшествующих определяемому слову. Зато в распоряжении английского языка имеется средство, отсутствующее в русском – выбор артиклей. Именно в маркировке ремы заключается важнейшая функция английского неопределенного артикля (или нулевого артикля в тех случаях, когда грамматика не допускает применение неопределенного, т.е. перед абстрактными или вещественными существительными или перед существительными во множественном числе). Разумеется, указание на рему при помощи артикля неприменимо в случае, если рема выражена именем собственным, существительным с ограничительным определением или вообще не существительным. Нередко встречаются и ситуации, когда по тем или иным коммуникативным или даже формально-грамматическим причинам обе

¹ Отметим, что русская частица «-то», присоединяемая к существительным или к словам любых других частей речи, имеет противоположную функцию: она указывает на тематический статус слова или словосочетания в высказывании. (В родственном русскому болгарском языке подобная же частица используется регулярно и играет роль определенного артикля):

Маше можешь ничего не рассказывать. Маша-то все знает.

Красное-то платье красивее серого.

² Двусмысленность легко возникает, если субъект и объект обозначены несклоняемыми существительными, например, иностранными именами. Так, неясна пропозиционная структура высказывания *Труффальдино обманул Панталоне*. Кто кого обманул? Добавление хотя бы одного склоняемого элемента прояснит ситуацию в ту или иную сторону, ср.: *Труффальдино обманул старый Панталоне.* и *Труффальдино обманул старого Панталоне.*

части высказывания – и тема, и рема – имеют одинаковые артикли, определенные или неопределенные. В таких случаях писатель или оратор найдет средства так построить высказывание, чтобы выделить рему иными средствами, а читатель или слушатель будет ориентироваться на новизну/неновизну информации по отношению к предыдущему вербальному или невербальному контексту, или же на интонационное выделение³.

Важно понять, что отличия тема-рематических структур делают смысловое содержание двух высказываний с различной тема-рематической структурой принципиально различным и несводимым друг к другу, несмотря на возможное совпадение референциальной, предикативной, видо-временной, модальной, да и всех прочих видов информации, заключенных в них. Из этого следует, что одно из этих высказываний ни при каких обстоятельствах не может заменить другое в одном и том же контексте, а также что переводы этих двух высказываний на другой язык не могут полностью совпадать между собой. Сравните:

(1) Jack read *an* article yesterday.

(2) Jack read *the* article yesterday.

В первом случае ремой является тот член предложения, который помечен неопределенным артиклем (*an* article), а остальная информация предложения (Jack read; yesterday) автоматически рассматривается как тематическая, то есть заранее известная коммуникантам. Говоря «по-школьному», первое предложение отвечает на вопрос “*What did Jack read yesterday?*” Во втором случае определенный артикль указывает на то, что для коммуниканта (*the*) article не является носителем новой информации, поэтому ремой может быть либо *yesterday*, либо *Jack* – это будет ясно из более широкого контекста, а в устной речи будет обозначаться интонационно-акцентным выделением. Иными словами, второе предложение нашего примера может отвечать либо на вопрос “*When did Jack read the article?*”, либо “*Who read the article yesterday?*” Несмотря на всю хрестоматийность этого примера, печальные результаты наблюдения за переводческой практикой показывают, что не для всех очевидно, что различие между этими двумя высказываниями является не техническим, не «грамматическим», а именно смысловым, что и должно отразиться в переводе. При нейтральном интонационно-акцентном оформлении русских высказываний первому примеру соответствует «Вчера Джек прочел статью», а второму либо «Джек прочел (эту) статью вчера», либо «(Эту) статью вчера прочел Джек». И абсолютно недопустимо, чтобы в переводном тексте одно из этих высказываний было подменено другим.

Ошибки переводчика при передаче тема-тематической информации, нередко происходящие от недостаточно четкого понимания ее важности, могут сильно нарушить коммуникативный эффект текста, лишив его связности, логичности или даже осмысленности. Примером последнего может послужить русский вариант текста на популярной наклейке на заднее стекло автомобиля, которой пользуются автолюбители, имеющие маленьких детей. Очевидно являющаяся переводом английского *Baby in the Car* или немецкого *Kinder fahren mit*, русская наклейка бесполезно для читающего гласит: *Ребенок в машине*. Согласно нормам русского языка, такое высказывание сообщает адресату, *где* находится ребенок, но отнюдь не *почему* другие участники движения должны с особым вниманием отнестись к данному автомобилю. Перестановка компонентов высказывания могла бы решить проблему: *В машине ребенок!*

³ Примером использования возможностей английского синтаксиса при построении сходных во всех прочих отношениях высказываний с разной ремой может послужить выбор между беспредложной и предложной формой прямого дополнения. Ср.: Give me *the* book. Give the book *to me* (рема выделена курсивом). Интересно, что применение этих синтаксических моделей приводит к тому, что нуждающийся в рематическом выделении член предложения перемещается именно в конечную позицию, совсем как в русском языке.

Сохранение тема-рематической организации высказывания и текста в целом при передаче на другом языке есть дело первейшей необходимости, в этом залог адекватности перевода. Для обеспечения успешности коммуникации то, что, по мысли автора текста, было ремой на каждом отрезке оригинала, обязано остаться ремой и на соответствующем отрезке перевода, каких бы усилий это ни потребовало от переводчика. Поэтому переводческие трансформации, связанные с необходимостью должным образом оформить выражение темы и ремы в высказывании – постоянная забота переводчика.

Особое коварство тема-рематических ошибок в переводе заключается в том, что адресат переводного сообщения, не владеющий исходным языком или не имеющий доступа к оригиналу, обычно не может опознать в бессвязности или неясности воспринимаемого текста именно погрешности перевода, а скорее припишет недостаточную четкость и убедительность говорящему или пишущему. Многократно повторенные тема-рематические ошибки могут создать у слушателя (читателя) ощущение, что «понятно, о чем говорили, но непонятно, что сказали», и даже привести к полному срыву коммуникации. Печальными примерами такого рода изобилуют небрежно переведенные кино- и видеофильмы, рекламные материалы, инструкции к бытовым товарам и многие другие виды текстов.